

Дорогами игрушечного компаса

Однажды, два года тому назад, в предновогодний вечер в компании друзей я во время весёлого гадания вытащила из мешочка-с-чудесами игрушечный компас. Несколько дней спустя, неожиданно для себя самой, я стала «учеником чародея», как называла это про себя и с улыбкой, вслух же и громко – стажёром в турфирме, а затем – гидом.

Я не слишком верю, что эта синяя чепушинка, показывающая – вполне в духе хозяйки – куда угодно, только не на север, – повернула или предугадала мою судьбу, но из уважения к этой, что лукавить, не лишённой изящества и дорогой мне истории я всегда вожу теперь его с собой, во всех спонтанных и запланированных странствиях. Куда только ни уводил меня смешной и лукавый компас. Куда?..

Обрывки впечатлений, заметки на полях, всё, что может рассказать гид, когда не должен вспоминать даты воцарений, проценты подоходных налогов и полные титулы монархов.

* * *

Лето. Дания.

В моей работе есть один из любимейших дней.

Это когда ты с утра выходишь с паррома, всегда – всегда! – светит солнце, и сквозь стёкла «рукава», по которому движется толпа туристов, уже виден милый Копенгаген. Это когда я беру в руки микрофон и искренне говорю: «Друзья, поздравляю вас, мы прибыли в Данию».

Это когда через десять минут мы уже встретим Русалочку, а потом пойдём пешком по набережной, и ветер будет мягкий, и справа будут мельницы на холме, а в фонтане богини Гефийон из ноздрей у быков будет валить пар.

Это когда площадь Амалиенбург обнимает, замыкает тебя в кольцо, молодцы в медвежьих шапках несут караул у королевских дворцов, а если обернуться, увидишь блеск воды и здание оперы за ним.

Это когда мы будем кружить по городу, и я самозабвенно буду перечислять имена и приметы: Кристиания с расписным забором, старинное здание Биржи со шпилем из драконьих хвостов, парламент с вечными демонстрациями хиппи, памятник воинственному епископу Абсалону над шумной улицей, очаровательный разноцветный канал Нюхавн, парк Тиволи, который в обратную сторону с одной ошибкой читается как «Ай лав ит», ратушная площадь с золотыми барышнями-барометром и трубачами, которые должны затрубить, когда мимо них пройдёт невинная девушка. Это когда я наконец-то отпущу туристов на свободное время, напомнив, что музей мистера Рипли находится у ратушной площади, в одном здании с музеем Андерсена, а музей Эротики – по Стрёгету и налево, янтарь в Дании считается драгоценным камнем, а пообедать дешевле всего можно в ресторанчике «Риз-Раз» неподалёку от фонтана Журавлей.

И когда пойду сама со сбившимся от восторга дыханием через площадь на бульвар Стрёгет с его живыми памятниками, «индейцами», уличными музыкантами, танцорами и художниками, сувенирными лавками и магазином волшебных, сказочных, бальных платьев, летом – со свежими ягодами в лотках (освежает в сто раз лучше мороженого и газировки), в Café Norden, где самый вкусный пирог с клубникой и апельсиновый сок, зимой – туда же за горячим чаем. Для меня «обжитость» места определяется прежде всего знанием о лучших Интернет-кафе в окрестностях; в этом смысле Копенгаген куда обжитее, к примеру, Москвы. Напротив Тиволи есть отличное. А в районе музея Торвальдсена тихо и очень похоже на Питер, особенно летним вечером.

А самый почему-то счастливый и умиротворяющий момент этого долгого дня – дорога в Хельсингёр. Сорок минут приятной музыки и мирных сельских пейзажей за окном, солнце садится, впереди встреча с дивным замком и рассказ о нём, который мне не терпится начать, как школьнику, который блестяще выучил урок накануне, и всё самое тяжёлое уже позади, а впереди только море, бьющееся о круглые камни, паром, спокойные сны в отеле и путь к дому, два дня в пути к дому...

* * *

Лето. Швеция.

В Стокгольме прекрасно, солнце, фонтаны, яркая толпа. Брожу как шальная.

Завернула в магазин, где спешно распродают дизайнерскую бижутерию. Похожий на разорённую волшебную лавку - на полу и полках в беспорядке рассованы, перемешаны, разорваны - чудеса. Цена каждому – 10 крон, неслыханная малость. То, что куча битых, ломаных, исковерканных браслетов, одиноких серёжек и порванных бус соседствует с глянцевыми и вполне себе благополучными, напоминает фургончик мистера Джонаса из "Вина из одуванчиков".

В витрине - полностью обнажённые манекены (некоторые - без рук-ног), густо завешанные украшениями.

И толпа. Жадно, экстатически ковыряется в разноцветном хламе, воровато оглядываясь.

А меж хлама нет-нет, да и промелькнёт-таки.

Сюда бы достойного новеллиста или лирика, такое пиршество не для моего скромного пера.

* * *

Солнце яркое-яркое, городок Сигтуна замер в средневековье от флюгера на ратуше до кофейни тётушки Брюн, а студенческая шальная Упсала, наоборот, кипит и бурлит. Всюду сирень, ветер душистый, озеро Меларен сияет, у меня длиннющие новые бусы и я решительно счастлива.

Мне улыбаются все встречные. На мне короткое жёлто-оранжевое платье, оно развевается на ветру, в Швеции жара, на полях пасутся прекрасные лошади. Цвета мира вокруг - ярко-зелёный, насыщенный синий, золотой. Вкус - клубники. Запах - жасмина, шиповника и свежего кофе из кофейни тётушки Брюн. Сигтуна и Упсала залиты солнцем. Макушка лета.

Апофеоз.

* * *

В Гамла Стане расположился на углу маленький бэнд, уличный квартет удивительно обаятельных разгильдяев, которых я сначала принимаю за каких-нибудь румынов (скрипач прекрасен, но блатной гитарист и рыжий дядько с мандолиной - или что это у него такое? – блещут больше всех, меланхоличен по-северному один товарищ с контрабасом). Они вполне себе шведы, и то, что они поют, кажется очень похожим на ядрёный шансон типа "Мурки" (и мелькающие названия вроде Samarkand усугубляют ощущение), но что бы это ни было, они так смачно поют и балагурят на шведско-английском суржике, что уйти невозможно, хохочешь, хлопаешь, и даже местами подпеваешь, и всё время подтанцовываешь, а вокруг уже собралась изрядная толпа... Они заканчивают выступление двумя шляпами и обращением на английском: "Если вам понравились наши песни, положите, пожалуйста, деньги в эту шляпу; а если не понравилось, положите, пожалуйста, вот в эту!". От души сыплю в обе, покупаю их диск

за 80 крон, лепечу задыхающиеся комплименты и восторги - и на набережную у королевского дворца, есть мороженое и слушать плеск озера Меларен.

Немножко отдохнуть - и дальше бродить по лету.

* * *

...А теперь – в музей Скансен. Потому что там совсем по-другому. Из самого сердца города – туда, где время остановилось. Это этнографический музей под открытым небом, и там Швеция XVIII-XIX веков - церквушки, мастерские, почта, ярмарка, - и там есть площади и палатки, где полным-полно людей, и даже маленькая полянка с каруселями, и лотки с фаст-фудом, и афиши "Дансен ин Скансен" - но я нахожу закоулки, где зелёная тишина. Ветер. И прошлое. И даже, кажется, голоса людей с певучим медленным акцентом, которые могли бы жить в этих домах и проходить по этим улицам.

Воздух горячий и упругий, Скансен на возвышенности, отсюда видно город. А если поискать, здесь можно найти избушку на курногах, и хижины саамов, и лосей настоящих и деревянных, и много всяких чудес.

* * *

Зима. Швеция.

В Стокгольме морозно и пахнет плюшками, скорым Рождеством, пёстрой толпой, чудесами, Европой, модой, брусчаткой, свежим кофе, духами. Хороший запах. Ещё не сняты отовсюду тыквы и привидения.

В маскарадном "Butterick's'e" - очереди из молодёжи за красными рогами, масками, чертовскими трезубцами.

Меряю костюм пиратки и зачем-то удерживаюсь от того, чтобы купить. Всё уже украшено к зимним праздникам.

На Дроттнингатан не протолкнуться, воздух весёлый, щёки румянятся. Славный город!

* * *

На Ярмарочной площади – открыточный, совсем пряничный, вид Стокгольма, ни одной серии путешественных фотографий без этих домиков. Уже стоит ёлка. Самая натуральная, пушистая ёлка, не железная конструкция, утыканная веточками, а настоящая, высокая, стройная ёлочка в жёлтых лампочках (ну да, украшают их тут скромно). Все окна светятся, во всех смыслах – во-первых, здесь принципиально не вешают занавесок (и так север, света «малавата»), во-вторых, в Сочельник в каждом окне выставляют зажжённую лампу - чтобы Дух Святой нисходил. Он и нисходит.

* * *

Через пестрядь улочек, через очаровательные арт-галереи и лавки со всяческим хенд-мейдом, мимо Святого Георгия, которого установили как аллегория победы над датскими захватчиками, через дворик жёлтой финской церкви к Железному мальчику, самому маленькому памятнику Стокгольма, напоминающему Нильса с дикими гусями (положить ему монетку и конфетку, непременно!), мимо королевского дворца, вниз на набережную, всю в яхтах даже зимой – и налево, обогнув дворец, снова на главную улицу, Дроттнингатан, улицу Королевы.

На мощёной мостовой рядом с Риксдагом танцуют две женщины в белом и далеко-далеко разносится пение "Ave Jesu". На каждом углу - или музыканты, или "живые памятники", или – экспресс-массаж, тебя посадят на деревянный стул, уткнут лицом в подушечку и будут квалифицированно елозить по спине. В витринах сувенирных лавочек,

кроме традиционных викингов-лошадок-троллей-кукол в сине-жёлтом – фигурки Святой Люсии, Королевы Света (этого титула по традиции каждый год 13-го декабря удостаивается самая красивая блондинка Швеции), у неё головной убор из свечей, и мне решительно нравится этот образ и празднование её дня. А ещё здесь продаются вертепы, вертепчики, от примитивных, лубочных, деревянных, до богатых и даже аляпистых, но все одинаково трогательны, их тянет разглядывать долго-долго, и я думаю, что именно в этот приезд я всё-таки разорюсь и куплю такой себе.

А ещё здесь, на Дроттнингатан, - точнее, на каком-то из переулочков, которые из неё вытекают, - есть самая настоящая Волшебная Лавка. Я уже столько раз исходила центр Стокгольма, что могу передвигаться там с закрытыми глазами... Но! Это место я всё время теряю, оно то появляется, то находится, само, когда захочет. Это лавочка чудес. где-то в угловом здании. Она то ли сувенирная, то ли антикварная, там нет глупых и беспечных дородных кукол с льяными косами и глянцевого сувениров. Там странные игрушки с душой. Старые кукольные сервизы, по ним видно, что старые, пожившие, с прошлым. Сломанные или недоделанные игрушки, пожелтевшие кружева, старые открытки - кажется, даже подписанные. И сухонький продавец с острым взглядом из-под очков, тяжёлая скрипучая дверь с непременно колокольчиком. Там непременно нужно побывать. Если лавка захочет впустить вас.

* * *

Если холодно – у Королевского драматического театра, где подвизались Ингмар Бергман и Грета Гарбо, есть Тёплая Женщина (да, женщина, а не мужик в платке), около неё назначают свидания, потому что к ней подсоединена хитрая система отопления. До неё от центра пять минут, обнять, погреться – и дальше. Чудеса, чудеса, чудеса...

Скоро Рождество.

* * *

Зима. Литва и Латвия.

...Когда сидя в Вильнюсе (золотистом, с морозцем, остроугольном, католическом Вильнюсе) в ресторанчике национальной кухни, я услышала "Я тебя никогда не забуду, я тебя никогда не увижу" на литовском, - стало понятно, что путешественные чудеса продолжаются.

Они и не замедлили. Сыпались абсурдными мелочами, будь то диск с литовским караоке в бонус за какую-то покупку или маленький красный бумажный фонарик со свечкой внутри (или всё-таки воздушный шар лилипутов?), летевший в новогоднем небе Риги.

.....

Снег хлопьями в Риге, все три дня снег хлопьями, пряничный, рождественский, уютный город, более полное соответствие места и времени сложно придумать.

Утро 30-го декабря, зал отеля "Альберт" (в честь Эйнштейна) с камином, коврами и музыкой ретро мягким голосом - знаете, вроде "Let It Snow". Пьёшь апельсиновый сок, сидя у окна на высоком барном стуле, чувствуешь себя героиней сентиментального фильма, наряжаешься слегка "под старину"... Нырнешь из улочки в улочку, прицениваешься к восковым, глиняным, тряпичным ангелам у весёлых лоточниц, нюхаешь подушечки с мятой и лавандой, непременно заворачиваешь на Юниелу (Бейкер-стрит и улицу, где из окна падал Плейшнер), обойдённую вниманием нанятого гида. Прохожие спешат, запоминаю лица. Молодая пара - маленькая брюнетка с тремя кремовыми розами и коробкой "Рафаэлло" и её галантный спутник - в очереди в "МакДональдсе". Высокий седой мужчина, похожий на Ричарда Гира. Сухонький дедуля с

огромным сенбернаром... Темнеет рано, фонарики горят на каждом шагу, все деревья в иллюминации. На Бастионной горке - три ОГРОМНЫХ, метра по три ростом, снеговика явно официального производства. Возвращаешься в отель, в холле ёлка в синих и серебристых шарах, сам отель - в оранжевой цветовой гамме, ковры украшены узором, представляющим собой схему строения атома; на ресепшене, как водится, несколько часов, но на циферблатах вместо "Москвы", "Нью-Йорка", "Токио" и пр. - "Относительное время" (стрелка нерешительно дёргается чуть вперёд-чуть назад), "Прошедшее время" (идёт назад), "Нереальное время" (вообще наябивает по произвольной программе) и, слава Богу, "Рижское"). В номерах – вместо таблички на дверь "Не беспокоить" - очаровательная "Я думаю" (у меня висела все три дня) и цитаты из Эйнштейна на стенах (мне досталась идеальная гидская "Воображение - это гораздо важнее, чем знания").

Кругом уют, только в номере бардак, готовлюсь к новогодней ночи.

.....

Новогодняя ночь. Набрасываю свои соболя и спешу в Старый Город. Новогодний салют в 12 по местному застаёт меня на ступеньках гостиницы, смотрю на него озарённо, как девочка из "Титаника". Кудрявые пьяные латышские мальчишки, весь город на ногах, отовсюду взлетают фейерверки, снова снег, снег хлопьями. Лотки с пряничными человечками, экраны со звёздами латышской эстрады, у нищенки посреди улицы на шею наброшена золотая мишура. По всему городу марширует колонна Санта-Клаусов с флажками и фонариками, пританцовывает и распевает: "Харе Кришна, Харе Рама!", пристраиваюсь к ним, некоторое время движемся вместе. На Домской площади играет джаз, маленькие деревянные карусели возят детей, толпа согревает, а ещё лучше согревает... хотела написать "глинтвейн", но погрешу против истины – это местный традиционный напиток, горячий чёрный бальзам, смешанный с черносмородиновым соком (и ещё немножко мёда и специй), невероятно вкусно и тепло (бальзам - 60 градусов), заедаю вафельным рожком с варёной сгущёнкой и неожиданно (60 градусов) от радостного умиления перехожу к буйному веселью, возвращаюсь на площадь у памятника Свободе, там музыка, молодёжь бегают змейкой, пристраиваюсь к широкоплечему викингоподобному рокеру, хохочу, потом сольно танцую под знаменитое новогоднее от АВВА, фейерверки взлетают, 500 лет рижской ёлке, самая красивая - у Дома Черноголовых, снег хлопьями....

* * *

Юрмала. Утренняя, белая, сказочная, дремлющая.

Море и небо серо-сизые, в голубизну.

И заснеженный берег.

Впервые видела зимнее море. Ощущение нереального, смеси несочетаемого, как на картинах Магритта.

* * *

Орган в Домском соборе. Концерт длится 20 минут, больше я бы и не восприняла, он слишком концентрированный, его надо полностью пропускать через себя, чтобы музыка не становилась фоном. Но прекрасно.

* * *

Средневековый ресторан "Rozengrals", йо-хо-хо! Свечи горят, полумрак, ёлки украшены позолоченными луковками, официанты в старинных одеждах, из зала в зал переходят четверо музыкантов - барышни с флейтой и скрипкой, юноша с лютней, мужчина с барабаном, свежайший пшеничный хлеб, завернутый в серый холст, мясо с

фасолью и изюмом, пиво по старинному рецепту, миндальный пирог... Полное погружение в средневековье, особенно для впечатлительных вроде меня. Все 5 органов чувств плюс недюжинная интуиция. Я в прошлом. И я им живу. Особенно от музыки. Стопроцентное попадание. Светлый женский голос, разудалая мужская хоровая подпевка, лютни, флейты... почему-то среди откровенно балладных вещей, до дрожи - "Ave Maria" (в той же разухабистой аранжировке, но не кощунственно, торжественно, я не знаю, как это объяснить)...

* * *

Рундальский дворец удивительно похож на корпус филфака ТГПУ. Жёлто-белый, элегантный и почти родной.

Весь французский регулярный парк заметён снегом, поразительная тишина, слышно, как снежинки шуршат, опускаясь. Каменные коронованные львы на воротах. Ровно в полдень часы играют что-то похожее на песню музыкальной шкатулки, звук разносится далеко-о-о. На крыше – гнездо аиста. По пустым тропинкам ходит разъевшийся вальяжный кот, похожий на маленького бронтозавра.

Тихо.

Отсюда не хочется уезжать.

* * *

Вертепы и вертепчики в костёлах.

Ёлка, вся в огнях, в Домском соборе – кажется, я видела где-то эту картинку в детстве, в ненашенских рождественских сказках.

На вечерней Домской площади три барышни (мне почему-то хочется думать, что они певчие какого-нибудь хора) весело болтают по-латышски, а потом на три голоса начинают петь рождественский гимн. Я не очень трезва после гигантской кружки-кружищи пива по старинному рецепту (ох, "Rozengrals", мечта!), поэтому беззастенчиво торможу в двух шагах от них, стою как вкопанная и блаженно улыбаюсь.

* * *

Два года я не расстанусь с маленьким синим компасом. Он был со мной там, где норвежские фьорды, похожие по мощи на звучание органа. Был со мной, когда я поднималась на Круглую Башню в Копенгагене, уважительно осматривала позеленевшего Ибсена у здания Национального театра в Осло и ела свежую клубнику в его тени. Когда пила кофе в хельсинкском кафе «Karelli», позировала уличному портретисту на бульваре Эспланады, аплодировала артисту с двумя марионетками в двух шагах от портретиста. Когда ждала своей очереди в меееееделенном таллинском макдональдсе (таков ты, прибалтийский фастфуд!) и бродила по ночным улицам Верхнего Города, ожидая, что из-за угла вот-вот выедет Боярский на коне с криком: «Каналья!».

Завтра я лечу в страну, о которой впервые узнала в детстве из Библии.

Я увижу Вифлеем, Назарет, Иерусалим.

А через неделю, две, месяц... Кто знает, где я буду ещё?

Маленький синий компас, стрелка которого не показывает на север, знает всё. Но молчит.